

Светлолесье — это не книга. Это целый мир. Он родился куда раньше, чем пришел в него ты, путник. Он будет жить и после того, как ты покинешь его. Он живой, настоящий; он дышит и кровоточит. Он огромный и таинственный. Чтобы познать его, придется переродиться вместе с героями. Но в то краткое мгновение, когда ты нырнешь в его воды, когда закрутит тебя чародейский водоворот, когда легкие до отказа наполнит его воздух, ты станешь кусочком мозаики Светлолесья.

Светлолесье — это целый мир. И он позволит познать часть себя, когда ты откроешь эту книгу.

*Даха Тараторина,
писательница*

Яркая многослойная история про путь во всех его смыслах — к родным землям, к дому и к себе. Герои Светлолесья живые: они совершают ошибки, оступаются, идут на поводу собственных чувств, и потому им веришь и надеешься на счастливый финал. Только к концу первой книги понимаешь, что для счастья им придется пройти немало препятствий и пережить много трудностей, особенно в преодолении себя.

Светлолесье похоже на наш мир: в нем есть знакомые мотивы славянских сказок и мифов, отголоски прежних былин про богатырей и великих героев. И тем не менее это совсем другой мир. Со своими законами и магией, которая порой не такая уж и добрая, какой прикидывается. Но разобраться, где правда, а где ложь, мешают не только высшие силы, но и собственные чувства героев. Наблюдать за хитросплетениями их судеб так же интересно, как за их путешествием по миру Светлолесья.

Ксения Хан, писательница

укажет, как разрывать нити жизни и рушить связи

ПУТЬ РАЗРУШЕНИЯ

АРФ
руна
прямой силы

ДАРИЦА
руна
помехи

ДЫХАНИЕ
НОЧИ
руна призыва

РАЗРЫВ-
ТРАВА
руна размыкания

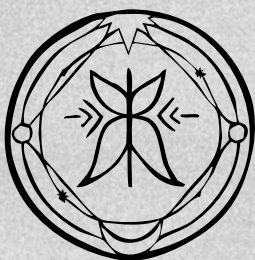
ПЕПЕЛ-РУНА

восстань из звездного пепла

ткет из нитей жизни новые полотна

ПУТЬ СОЗИДАНИЯ

ЗАСЛОН
руна щита

ЖИВА
руна призыва

ЯВЬ
руна
сотворения

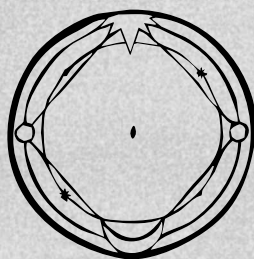
ОЛЕСЬ
руна
сращивания

яви крылья воли и духа

обращает страх в мосты между мирами

ПУТЬ ПРЕВРАЩЕНИЯ

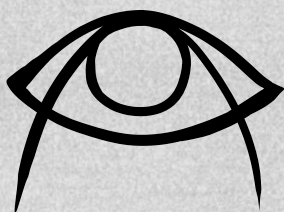
СПЛЕТЕНИЯ
И
РУНЫ
ЭТОГО ПУТИ
УТРАЧЕНЫ

иди сквозь морок души и тела

ОТ ЕДИНОГО БОГА ЧЕЛОВЕКУ ДАНЫ ЗАКОН, ПОРЯДОК И СИЛА

ЖРЕЦЫ

ВЕТВИ СЛУЖЕНИЯ ЕДИНОМУ

АЛАЯ ВЕТЬ

ЧЕРВОННЫЕ ЖРЕЦЫ

ОХОТНИКИ
НА ЧУДЬ И КОЛДУНОВ

БЕЛЫЕ ЖРЕЦЫ

КНИГОЧЕИ,
ЛЕКАРИ И РЕМЕСЛЕННЫЕ
МАСТЕРА

БЕЛАЯ ВЕТЬ

СЕРЫЕ ЖРЕЦЫ

СТРАНСТВУЮЩИЕ
МУНИСЫ,
ПРОСВЕТИТЕЛИ

СЕРАЯ ВЕТЬ

СЕРЕБРЯНОЕ СОЛНЦЕ

«Нас окружают боги», — так говорили мне.

А еще говорили, будто Аскания не всегда была миром Обожженной земли; что далеко на севере Светлолесья, на стыке гор и тумана, стоял когда-то город колдунов, в чьих сердцах еще не гнезвился порок; что рощи были священны, обряды — не осквернены кровью, а чужь не утаскивала людей под землю...

Какие горькие сказки!

Теперь есть только червенцы, червонные жрецы. И только один бог — Единый.

А все колдуны прокляты.

Если старые боги действительно нас окружают — им все равно.

Лес, через который мы шли, был стар и густ. Дорога виляла меж корней и кустов, мошकारа слепо тыкалась в мой плащ. Ноги привычно гудели от долгой дороги, а весенний ветер охлаждал щеки. Сколько нам еще осталось до корчмы? Я оттянула ввевшийся в плечо ремень переметной сумы и вздохнула.

— Лесёна, смотри под ноги.

Я перепрыгнула торчащий корень и благодарно кивнула наставнику. Точнее, его спине: Фед шагал впереди с таким упорством, будто ничего на свете не требует такой отдачи, как извилистая тропа под ногами.

— Далеко ли до города?

— К выступлению успеем, — сказал Фед, не оборачиваясь. В полный рост он возвышался надо мной на две головы и со спины вообще походил на вышибалу, а не на музыканта — если б не гусли, которые он заботливо придерживал.

— Жду не дождусь, — буркнула я.

— Все еще обижаешься, да?

— Мы почти не упражнялись.

Он все-таки остановился и обернулся с усталым видом. Сквозь чащобу волос с трудом угадывалось лицо: бывшие когда-то красивыми черты оплыли, на лбу поселился мрачный залом, а некогда васильковые глаза выцвели в невнятный серый. Под рубахой мелькал оберег с янтарным камнем — единственное яркое пятно среди этого безобразия.

— Ты заставил меня целый день ходить по лесу вместо того, чтобы как раньше плести руны, — не выдержала я. — Так я ничему новому не научусь.

Мы нарочно выбирали места для учебы в самых удаленных, диких местах острова, но Фед все равно не давал мне вволю поколдовать. Боялся.

Это было жестко, даже жестоко — сказать ему об этом так.

— Думаешь, это все шутки? — наставник усмехнулся. — Думаешь, я последний разум потерял?

Я смолчала. Вместо ответа Фед прижал палец к губам и закрыл глаза.

— Солнце сегодня кровавое, — проговорил наставник. — И ветер... Слышишь, поднялся?

Весь день над нами проплывали диковинные клочки облаков, но вдали колыхалось одно, особенно приметное, будто город с маковками теремов, разбивающимися на краю неба в белую дымку. Облака поменьше и побыстрее летели к нему. Но вот солнце зашло за облако, и из спящего круга проступила башня, вонзившись острием в небеса.

Мне вдруг подумалось: так мог бы выглядеть Нзир-На-лабах, утраченный город колдунов. И на самом верху, на краю уступа, показался бы Он. Полуденный царь.

Я не знала, как Он выглядит — никто не знал. Тот, кто может все изменить, тот, кто должен... Стоит на вершине самой высокой башни исчезнувшего города. Ждет? Пересчитывает горящим взором свою рать? Я присмотрелась к маленьким облачкам: не то звери, не то змеи-аспиды, не то чудь... Его рать? Любая, лишь бы не Чудова.

Когда у тебя нет своего прошлого, кажется, будто можно присвоить любое. Поэтому, должно быть, я так любила сказки Феда. В одной из них говорилось, что однажды в Светлолесье вернется его подлинный повелитель — Полуденный царь, царь колдунов — и приведет своих заблудившихся собратьев домой. И пред ним преклонят колени и люди, и колдуны, и чудовища.

Я выросла на легендах о Полуденном царе. Он стал моей второй жизнью. Я думала о нем, когда тряслась в телеге, когда засыпала в стоге сена, когда танцевала на потеху публике, когда, засыпая, укрывалась жупаном наставника. Когда шла через облетевший лес, а ветер пригоршнями бросал в лицо первый снег. Когда слышала, что кого-то снова заклеямили за колдовство. Когда Фед остриг мне косы. Когда схватили Елара... Полуден-

ный царь стал моей мольбой. Он стал моим заклинанием, проник в кровь, отравил ее надеждой.

Каждый из нас верил в него. Каждый из нас в глубине души ненавидел себя за эту надежду. Но нам ли не знать, как далеки сказка и быль?

И все-таки, как будет выглядеть наш царь? Узнаю ли я его, если увижу? Должно быть, глаза у него невиданные. Такими ни один человек смотреть не может. Я знала это, верила. Ведь тот, кто способен менять нити у стольких судеб, не может быть таким, как все.

— Лесёна! Слушай.

В тенистой чаще леса мерцали яхонтовые капли цветов медуницы, шумела молодая листва, вправду шептала что-то. Я напрягла слух, надеясь разобрать. В вышине трещали раскачиваемые ветром деревья. Их протяжный стон не сулил ничего доброго, ведь, согласно поверьям, то плакали души несчастных, навеки заключенные внутри... Не стоит думать о таком. Не здесь, не сейчас.

И все же я кивнула.

— Нити сплетаются для того, чтобы быть услышанными, — сказал наставник. — Настоящее колдовство всюду заплетено.

Он сорвался на бег — я, конечно же, за ним.

Когда дорога сквозь бурелом кончилась, мы спустились в овраг. Под коркой засохшего мха и покрытыми лишайником валунами обнаружился поваленный деревянный идол. Разбитый. Фед присел рядом с ним, очистил от прели и веток. Неужели этот голос наставник расслышал сквозь листву? Неужели боги все еще говорили с нами?

— Лесёна.

Я отмерла и села рядом. Вместе, молча, мы быстро сняли мох. Под ним обнаружился женский лик. За головой

богини остались надломленные, но угадываемые крылья. Перья, высеченные каким-то древним мастером... Колдуном? Колдуны служили когда-то богам, людям и миру.

— Кто она?

— Крылатая. — Наставник подался вперед. — Управительница ночей, ветров и нитей жизни.

Хозяйка нитей в овраге, расколота пополам. Плохой знак. Как давно она тут лежит? Три сотни лет, должно быть. С тех пор, как появились жрецы и заговорили о Едином. С тех пор, как они начали охотиться на колдунов и чужь... Да, не все жрецы убивают, лишь те, что носят алое и именуют себя червонными. Есть среди жрецов лекари и книгочеи, предпочитающие белоснежные одежды, а также несущие слово Единого кроткие служители в сером — им и вовсе ни к чему смущать людские сердца. Они даже отказываются от родовых имен и носят на лицах покровы. Столько жертв! А все одно: почему-то эти три Ветви служения Единому, пришедшие на смену трем Путям колдовства, подарили Светлолесью лишь три века раздора.

Фед накрыл раскол ладонью и застыл молчаливой громадой.

Когда трещина срослась, он вынул из сумы бурдюк и каравай, налил на краюху меда и оставил рядом с богиней. Я достала горсть сушеных яблок, поднесла дар и привычно потянулась к скрытому в глубине образу горящих глаз Полуденного царя... Допустил бы он такое? И тут же почудилось, будто в ответ на меня устремился чей-то тяжелый взгляд.

Дальше мы шли, не оборачиваясь. На пути встречались только заросшие мхом межевые камни и круги мухоморов перед ними, но мне казалось, будто кто-то идет вместе с нами. Крутая дорожка вела все дальше вниз,

в лес, где качали лапами и скрипели на ветру вековые ели. Сумрак догонял нас, а деревья все не кончались. Давно остался позади идол. На сей раз мы забрались слишком далеко от города...

Фед тоже чувствовал тревогу.

— Успеть бы дотемна.

Земля становилась рыхлой, бурьян доедал остатки ровной дороги, и наставник явно опасался, что в таких местах нас подстерегут разбойничьи ватаги.

Но вот впереди мелькнула деревянная, похожая на чешую, черепица постоянного двора. Донеслась мужицкая брань и суета, а затем показалось переплетение узких городских улочек. Наша корчма стояла неподалеку, на окраине леса. Постоялый двор при ней был полон: многие решили переждать здесь темную ночь. У коновязи толкалась дюжина коней, но когда Фед заметил знамя, остановился.

— Идем в обход.

Я шумно вздохнула.

— Фед, ну...

С крыльца сошли три оружных мужика. Я запнулась. Оружные мужики в алых плащах — значит, охотники на колдунов, червенцы, то есть... Мазнув взглядом по Феду, замершему перед воротами, они тоже остановились. Один махнул рукой:

— Гусляр! — Заметил, значит. — Как ты вовремя! В этой глуши можно подохнуть со скуки!

Фед натужно — почти взаправду — улыбнулся. Это он умел. Качнулся с пятки на носок и еще разок взглядом пересчитал постояльцев.

— Вы тут с ночевой?

— Как глава решит. Мы с братьями глянули бы скорморохов или еще кого из ваших. Есть кто?

Приврал, конечно. Жрецы терпеть не могли скомо-рохов и лицедеев. Слишком много шума, слишком много неудобной правды. Я подавила злую усмешку. Теперь ясно, отчего весь день знамения сбивали нас с пути: как бы небеса не разверзлись, если мы разделим кров и хлеб со жрецами. Отчего их столько собралось здесь? Зачем им Сиирелл? На этом острове и без колдунов беззакония хватает.

Вслед за жрецами мы вошли под крышу длинного дома. Там, за накрытыми столами, уже сидели постояльцы. Я насчитала десять человек в алых плащах и двух в белоснежных. У всех, если приглядеться, на спинах нашито око. Знак Единого.

Фед запел про Мечислава, первого жреца. Довольные червенцы разошлись по углам. Наставник пел про то, как царь-колдун пошел войной на мир, и мир погрузился во тьму.

По одну сторону ствола мирового Древа покоится Светлолесье, по другую — Аскания. Таков мир людей и колдунов, Срединный.

В ветвях Древа, Верхнем мире, живут боги и праведники, а чужь и неупокойники обитают в корнях, в Нижнем мире. Все пребывало в согласии до тех пор, пока колдовской царь не подчинил себе Чудову Рать, и твари неживые не понесли по земле, обращая все в прах.

Фед пел про то, как появился среди людей воин, Мечислав, как одолел он царя-колдуна. Как Чудова Рать, оставшись без предводителя, перегрызла сама себя, а те, что уцелели, искали защиты у других колдунов. Тогда Мечислав сказал людям, что силу ему дал Единый — бог богов, и они больше не должны искать у колдунов помощи или к какому богу подольститься. Что теперь следует истреблять все чудное, как и колдунов.

Я не стерпела, вышла во двор. У всех свои герои. И жрецам надо во что-то верить, прежде чем отнять у кого-то жизнь. Так они спокойно спят по ночам, веря, что Единый оберегает их от гнева старых богов, пока сами они хранят мир от колдунов.

Я обошла длинный общий дом и вскарабкалась по притулившейся у стены березке на крышу. Душный вечер перекатылся к ночи, а я все еще ощущала на коже чей-то прилипший взгляд. В груди ныло странной тоской.

Да и ночь будет темной, непроглядной: на это всегда указывал особенный, ярко-алый закат. К такой ночи не подготовиться, не угадать. Когда она опускается, все живое покорно замирает. Будто голодная чудь все еще рыщет по миру. Говорят, в начале времен ночи не были такими темными и не рассекала густую тьму полоска алого, будто кровь, сияния — Червоточина. Жрецы вообще не мудрили с названиями: все природное, красное, величавое по-своему нарекали. Но Червоточина появилась задолго до них, и кто поспорит, откуда она взялась? Давным-давно, говорят, висела над морем — в той стороне, где раскинулись обожженные земли Аскании.

Жрецы говорили, будто в такие ночи колдуны гневляли Единого. В народе верили, что луну и звезды похищали змеи-аспиды, ведь как ни крути, а ночь без светила — воровская и нечестивым делам покровительствует. Так и повелось: как случится ночь с Червоточиной, так жди беды. Но про это хорошо певцы вроде моего наставника сказывали, не я.

Я знала только, что в ту ночь, когда Фед нашел меня, Червоточина тоже подмигивала Светлолесью узким глазом. Наставник говорил, будто случайно заметил выброшенную на берег моря девочку. Но разве случайно